

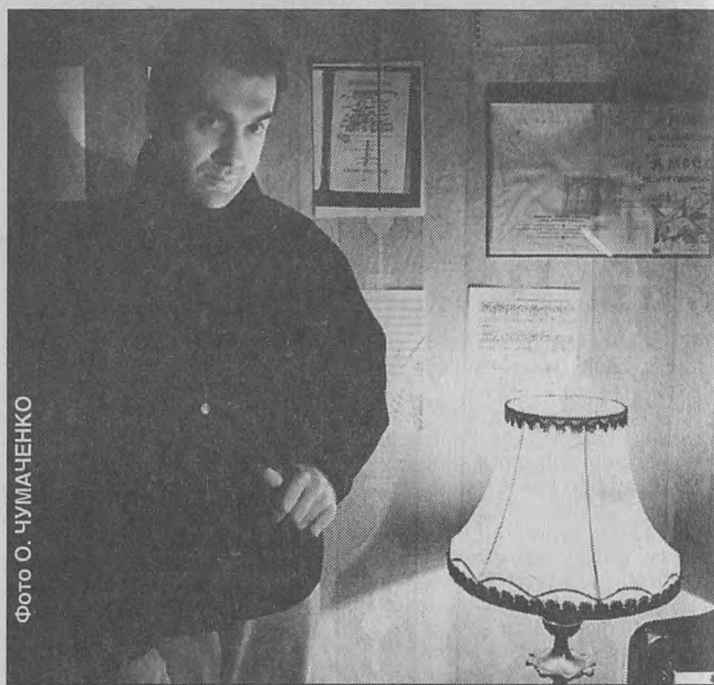

Фото О. ЧУМАЧЕНКО

ЖИЗНЬ МУЗЫКАНТА

Одно сочинение Антона БАТАГОВА услышать легко — достаточно в воскресенье посмотреть по телевизору "Итоги". С грустными произведениями дело обстоит иначе. Они известны, скорее, тем меломанам, которые интересуются современной музыкой, в частности, слушателям московского международного фестиваля авангардной музыки "Альтернатива". А доступны в первую очередь американцам — поскольку Батагов немало времени проводит в США и компакт-диски выпускает тоже там. Что же делать, если в нынешней ситуации самым легким для композитора оказывается сочинить музыку. А вот услышать ее в концерте, тем более записать — гораздо сложнее. О возможности жить на гонорары за эти самые компакт-диски вообще говорить нельзя.

-Антон, несмотря на молодость, вы застали несколько эпох — застой, перестройку, начало нового русского капитализма. Какую роль, по вашему мнению, отводит общественное сознание классической музыке сейчас?

— Может быть, то, что я скажу, прозвучит так, как будто мне лет семьдесят, но... При советской власти сформировалось особое отношение к культуре. Оно было болезненным, гипертрофированным, но в нем было и очень ценное — к искусству не относились как к развлечению. Конечно, и тогда жизнь проходила в отвратительной борьбе за что-то (а наш быт придавал всему особую тяжелую и извращенную "форму"). Но от людей творческих — писателей, художников, музыкантов — ждали не порции развлечения, а Послания из сфер, удаленных от повседневной суеты.

Было и другое следствие "перевернутости" нашей жизни. Любое серьезное событие искусства не-

минуемо оказывалось в оппозиции к режиму. За одно то, что власти запрещали, притесняли художника — того же Шнитке, — он автоматически становился если не кумиром, то по крайней мере человеком, творческого высказывания которого с трепетом ждали. Такая оппозиционность очень подогревала народную любовь. И в результате люди так и не научились в чистом виде воспринимать то, что делает автор, абстрагируясь от его отношений с "системой".

Теперь — иное. В России появились носители нового, буржуазного сознания. Они занимаются серьезными делами, а после тяжелого трудового дня им, естественно, хочется отдохнуть.

— Сделайте нам красиво?

— Да! И, кстати, есть жанры, которые прекрасно справляются с этой задачей — например, попсовая песня в той форме, что существует у нас. Но высокое искусство — иное. И печально, что талантливые люди, которые могут создавать что-то несуетное, прилагают все силы, чтобы сделать себя официантами, приносящими десерт, в частности, музыкальный. Это новый путь для построения карьеры. Конечно, денежный. Только не жди в таком случае понимания настоящей, интеллигентной публики. Да и "заказчик" при самой щедрой оплате всегда даст понять, кто хозяин, а кто прислуга. И путь этот — в одну сторону: сделав таким образом карьеру, измениться нельзя.

— Это реалии нашей жизни, а как обстоят дела в Америке?

— В Америке все пронизано пошлостью — дома, полисадники, интерьеры. И соревноваться в этом с ней невозможно. Пошлость, краснота культивировались там десятилетиями и уже не замечаются — как воздух. Сначала это смешит, потом раздражает, потом просто абстрагируешься от этих "виньеточек". Но при этом во всем там упорядоченность, давно устоявшееся равновесие. В России же новейшая ка-

Музыка

Культура. — 1994 — 42 в.г. — с. 13

Запись как форма честного существования

питалистическая история насчитывает всего несколько лет. Новые процессы происходят так быстро, что эта чудовищная скорость оказывается сама по себе агрессивной, сметающей все на своем пути. Невозможное год назад вдруг становится центром, вокруг которого формируется новое общественное и культурное сознание.

— А какая музыка сейчас сочиняется на Западе?

— В основном отрицающего, альтернативного характера: "Мы не буржуа, потому что пишем такую жесткую, грубую музыку, которую слушают рабочие и рокеры, панки и студенты".

Но кроме протеста, эта музыка ничего не несет. И как любое жизненное или художественное явление, основанное на идее борьбы, конфликта, она обречена. Конечно, там есть творческие люди, но им уже за 60. Например, Филип Гласс, который, все понимая, продолжает красивое и чисто звуковое существование. Мировая слава не делает его недосягаемым "звездным", это обаятельный и сверхтворческий человек. Или Терри Райли, который утратил с годами всякий интерес к музыкальным явлениям и находится в статусе дэзн-мастера и который поэтому еще более прав...

— Антон, вы один из немногих композиторов с сугубо академическим прошлым, кто использует в своем творчестве компьютерные технологии. Как в свете проигрыша Каспарова вы оцениваете перспективы противостояния "машина — человек" на композиторском поприще?

— Во-первых, эту испугавшую всех машину придумали люди. А во-вторых, шахматы — это спорт, соревнование, и, значит, можно говорить о результате, победе. А в музыке никто ни с кем не борется. Просто есть люди, разрабатывающие "железки". И надо им сказать спасибо за то, что они предусмотрели те запросы, которые могут возникнуть у музыканта. Для меня предпочтительней сэмплерная техника, потому что даже самые замечательные исполнители привнесут в написанное мною что-то свое. А я в каком-то смысле диктатор и хочу отвечать за то, что делаю, по максимуму. Новые же технологии позволяют мне моими руками добиваться стопроцентного звукового результата.

— А на что живет современный композитор, пишущий не поп-музыку?

— Зная мои телевизионные опыты, часто говорят: ты занялся

коммерцией. Вот и поэт Дмитрий Александрович Пригов, когда в буфете Дома радио я не мог разменять пятидесятирублевую бумажку, кстати, единственную лежащую в кошельке, сказал: "Меньше надо зарабатывать!" Так вот — слухи о моих доходах сильно преувеличены. Это раньше за музыку к кинофильму можно было купить машину или даже две.

— Но вы-то работаете на заказ?

— На самом деле для ТВ я написал не так много: музыку к "Итогам", прогнозу погоды, "Культпросвету" и еще некоторым программам НТВ. (Кстати, в смысле протяженности своих телевизионных "полотен" я "сокращаюсь" до истинно минималистских масштабов: на ТВ вещь может продолжаться пять секунд, а двухминутное сочинение выглядит уже гигантской симфонией). Еще была "Уловка 22" с Иваном Дыховичным. Тут я вообще работал бесплатно, для собственного удовольствия — так какая же это коммерческая музыка!

— Эти сочинения действительно крохотные, но зато их слышит вся страна. Заметной стала и ваша музыка к фильмам Дыховичного — "Музыка для декабря" и "Женская роль"...

— Мы родились с Иваном в разное время, читали разные лозунги, когда ходили в школу. Но то, что выражаем — он с помощью кино, я — музыкой, сходится в одной точке. Нам не надо слов, чтобы обменяться какими-то своими ощущениями. И еще он никогда не требует иллюстрировать музыку то, что создает на экране.

— Значит, прикладная музыка может быть свободной по духу?

— Как ни странно, то же самое телевидение открыто для творчества. Даже в микроскопическую заставку или рекламный ролик можно уместить любую модель мира, любое состояние. А если это еще позволяет прожить какое-то время не думая, где взять деньги на жизнь, — очень хорошо.

Просто когда ты гастролер, ты четко знаешь, сколько и где получишь. И десять лет назад я хотел так жить: играть — естественно, современную музыку, концертировать. Но потом понял, что 90 процентов того, что придется исполнять, мне не нравится. А врать себе, носить маску — значит заниматься саморазрушением.

Когда ставишь другую задачу — делать только то, что считаешь нужным ты, а не публика или критика, сразу же всплывает проблема ежедневного заработка. Ведь менеджеров, занимающих-

ся современной музыкой, здесь нет. А на Западе предпочитают не рисковать, не пробовать что-то новое. "Не делать", отказываться — труднее, чем "вращаться в системе". Но честнее и поэтичнее для меня предпочтительнее.

— Потому-то вы и сосредоточились на компакт-дисках, что хотите избежать компромиссов?

— Да. Выпуск компакт-диска все-таки поддается контролю. Вот я и езжу в Америку, где есть возможность на нормальном уровне выпустить и, главное, распространить диски. Там любое музыкальное событие моментально получает резонанс. А здесь один критик читает то, что написал другой, ну, может быть, еще сам артист и его друзья, а дальше... ничего не происходит, потому что нет отлаженной десятилетиями индустрии, системы "обнародования" музыкальных явлений.

— Кстати, о критиках. Какая в Америке музыкальная пресса?

— Как и у нас, могут писаться чудовищные вещи. Но даже написав чушь, там вас никогда не оскорбят. Поскольку все, что связано с правовым сознанием, в Америке давно в порядке. И если суд признает статью оскорбительной, то пострадавший будет пожизненно обеспечен — критик будет пожизненно об этом заблуждаться.

И еще там не нужно изображать из себя то, чем ты не являешься, играть в поддавки с публикой (а здесь на джазовой радиостанции меня представляют почти джазовым музыкантом, на рейв — техноэлектронщиком). Там с тобой говорят с гораздо большим профессиональным достоинством.

— Что же в таком случае вы не можете оставить здесь? Почему все время возвращаетесь? Хотя в вашем случае единственный путь — это писать в США диски, которые затем смогут попасть в Россию...

— Удерживает конкретная работа — на том же телевидении. Когда делал музыку для "Итогов", познакомился с удивительными — тонкими и "непопсовыми" — людьми. Они делают то, что становится достоянием миллионов, что неожиданным и противоречивым образом соприкасается с жизнью — не тем кошачьим кошмаром, когда стреляют, а не страшно, а с настоящей смертью, болью. Возможность укрупнить события музыкой — огромная радость для меня.

А главное — конкретные люди. Иван Дыховичный, Владимир Мартынов... Вот почти что и все.

Беседу вел
Инна ФОМИНА